

учитель сельской школы преподавал философию в Белорусском политехническом институте, а в 1966 г. поступает в аспирантуру философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, где на философском олимпе успешно защищает кандидатскую диссертацию и с триумфом возвращается в Минск. С 1973 г. вся дальнейшая жизнь А. Н. Елсукова неразрывно связана с Белорусским государственным университетом. Здесь было все: и хорошее, и плохое. Но больше все же хорошего. В недрах минской школы методологии научного познания, которая функционировала в университете в 1970–80-е гг. и благодаря достижениям которой БГУ стал всесоюзным центром по изучению проблем истории и методологии науки, он сформировался как крупный ученый, защитил докторскую диссертацию, написал много книг, включая учебники и учебные пособия, вырастил целую плеяду учеников. Заслуженный работник БГУ, отличник образования Республики Беларусь, лауреат премии им. В. И. Пичеты, профессор А. Н. Елсуков навсегда вошел в летопись Белорусского государственного университета как первый декан философско-экономического факультета, создатель и первый заведующий кафедрой социологии. Здесь сполна раскрылся его уникальный талант руководителя, тонко понимающего молодежь и разбирающегося в людях. Он был сторонником «мягкого» решения самых острых административных вопросов, всегда высоко ценил и любил своих коллег, дорожил мужской дружбой, просто боготворил работу со студентами и пользовался среди них большим авторитетом и искренним уважением.

Не в характере Альберта Николаевича было хандрить или унывать, жаловаться на болезни и невзгоды, впустую транжирить время. В любой компании он был заметен, оригинален и неповторим. Жил с выдумкой, находя для себя все новые и новые увлечения. Водный туризм, велосипедные прогулки, афоризмы, поэзия... И никогда не считал их хобби – это и была его жизнь, которую нельзя было разделять на рабочее и свободное время, основное и второстепенное, главное и неглавное. Точно с него писал любимый им поэт Роберт Рождественский: «Надо б, наверное, жить по-другому! Но по-другому я не умею... <...> Надо бы, надо бы остановиться! Не успеваю. Не успеваю... <...> Отодвигаю и планы, и сроки. Слушаю притчи о долготерпенье. А написать свои главные строки не успеваю! И вряд ли успею...».

За свою трудную, но счастливую и интересную жизнь Альберт Николаевич Елсуков очень многое успел. Память об этом прекрасном человеке, великолепном ученом и мудром учителе навсегда сохранится в наших сердцах.

А. Н. Данилов,
член-корреспондент НАН Беларуси

УДК 316(075.8)

А. Н. ЕЛСУКОВ,
ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (МИНСК)

СТРАХ И ПОЛИТИКА: ОПЫТ ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Рассматривается такое психофизиологическое явление, как страх в его биологическом и социальном проявлениях. Анализируется использование страха в социальном взаимодействии, его роль в воспитательном процессе и системе государственного управления. На исторических примерах показывается стремление властей культивировать страх с целью удержания власти и осуществления господства меньшинства над большинством.

Ключевые слова: страх; фобия; боль; испытание болью; биологические основы страха; психологические основы страха; социальные основы страха; наказание; казнь; пытка; культивирование страха; власть страха; инерция страха; страх в системе управления.

The article considers a psycho-physiological phenomenon such as fear in its biological and social aspects. It suggests how fear is used in the processes of social interaction, what role it plays in the educational process and system of public administration. Some historical examples demonstrate the will of authorities to cultivate fear for power retaining and the minority dominating over the majority.

Key words: fear; phobia; pain; trial by pain; biological basis of fear; psychological basis of fear; social basis of fear; punishment; execution; torture; cultivation of fear; power of fear; inertia of fear; fear in the system of public administration.

Страх (психофизиологическое явление) подробно описан в философской, психологической, психоаналитической, юридической и художественной литературе. Обращаясь к социальной оценке этого явления, необходимо отметить лишь тот факт, что чувство страха заложено в генетическом коде жизни и присуще всем живым существам. В этом смысле страх – защитная реакция живых организмов при приближающейся опасности. Именно страх заставляет травоядных животных спасаться бегством от нападающих на них хищников. Особенность страха в животном мире в том, что он проявляется именно в момент столкновения с опасностью и выполняет защитную функцию. В безопасной ситуации животные ведут себя спокойно и естественно. Поэтому можно предположить, что животным не присущи фобии – мнимые страхи.

Иная картина наблюдается в обществе, где люди не только переживают страх в момент приближения опасности, но и постоянно сохраняют в себе образ страха как особую программу поведения, которая дает о себе знать даже тогда, когда реально опасности не существует. Если человек боится темноты, то он никогда не пойдет темной ночью на кладбище или в ночной лес. Если человек не умеет плавать и боится глубины, он никогда не посмеет окунуться в незнакомом для него водоеме, испытывая страх перед водой, или так называемую гидрофобию. Именно такие глубоко укоренившиеся в психике человека страхи могут надолго сохраняться в его памяти, определяя поступки людей. А это создает основу для того, чтобы использовать страх для воздействия на человека в целях программирования его действий. Особенность человеческой психики состоит в том, что страх может быть присущ как одному человеку, так и группе людей, поражать более широкие социальные общности (тогда носителем страха может стать весь народ или эксплуатируемый класс). Тем самым категория страха может иметь чисто личностный характер, а также носить более широкий социальный контекст.

Наиболее массовой формой сохраняющегося страха является страх получения болевых ощущений, которые с детства знакомы каждому человеку, начиная от нечаянного удара по пальцу, физической боли, каких-либо врачебных процедур до разнообразных физических наказаний.

Физическое наказание – особое социальное явление, суть которого в том, что один человек (или группа людей) целенаправленно предпринимает такие действия, которые доставляют боль другим людям, другому человеку, добиваясь от него нужного поведения. Физическое наказание, как социальное явление, имеет свое значение, приобретая особую форму воспитательного действия. Отличительная особенность такого наказания – оно осуществляется со щадящим проявлением боли. Родительское воспитание ремнем (розгой, веревкой), врачебная процедура или элементарная драка – примеры такой боли. Кроме физических воздействий, причинами страха могут быть и чисто социальные явления, такие, например, как выговор, оскорбление, штраф, боязнь нарушить законы и т. д. Во всех этих случаях страх играет воспитательную роль, становясь особым феноменом общественной жизни¹.

Совсем иная картина складывается, когда физическое наказание принимает форму пытки или публичной казни. Причинение физических страданий своим врагам или преступникам (перед тем как их отправить на казнь) издревле сопровождало историю развития человеческих сообществ. Как отмечает В. Гитин, «мучительство имеет четыре основных мотива применения:

- 1) наказание за какое-нибудь преступление;
- 2) публичная демонстрация с целью устрашения зрителей;
- 3) принуждение человека сознаться в совершенном преступлении или открыть некую тайну;
- 4) наслаждение от причиняемых мучений (одна из разновидностей садизма).

Имеют место и ритуальные пытки как составная часть обрядов тайных обществ и сект.

Человечество во все времена жило инстинктами, а не разумом, и поэтому жестокость всегда была (и остается) неисчерпаемым источником средств, форм и методов людских взаимоотношений².

Все эти мотивы в той или иной мере проявляются в деятельности правящих элит, которые с помощью устрашающих средств во все времена стремились утвердить и продлить свою власть. Тем самым физическое воздействие на человека приобретает ярко выраженный политический характер.

Казнь (особенно публичная) – особый способ культивирования страха, который использовался властями для устрашения подданных. Поэтому казнь обязательно принимала форму публичного действия, некоего зрелища, которое не только вселяло ужас, но и притягивало внимание людей. Можно в этой связи вспомнить бои

гладиаторов или терзание тел христиан хищниками на аренах цирков, которые любили созерцать граждане Рима вместе со своими императорами.

Разумеется, в цивилизованном обществе публичная казнь вообще отживает свой век. Но в террористических и бандитских актах пытка и казнь все еще сохраняются как акт устрашения и подавления воли людей. Особый ужас вселяют в сознание людей массовые расправы типа геноцида.

Естественно, что и те, кто подвергался пыткам, и те, кто их осуществлял, и те, кто оказывался свидетелем пыток и казней, становились постоянными носителями страха и послушными исполнителями воли своих властителей. Страх сам по себе приобретал не только черты психологического явления, но и особый социальный смысл и масштаб, определяя политическую атмосферу общества, его политический режим, формирующий принудительную лояльность граждан. Поэтому нет ничего удивительного в том, что везде, где в той или иной мере проявлялось господство властных структур над массой людей, использовались формы принуждения, среди которых не последнюю роль играла и такая форма, как культивирование страха, превращение его в коллективную фобию.

Как правило, все захватчики пытались подчинить себе завоеванных не только силой, но и путем наведения страха с помощью пыток и казней. На это обратил внимание еще Сенека, который перечислял причины страха, или того, чего больше всего боятся люди, – *бедность, болезни и насилие*. По этому поводу он писал: «В наибольший трепет приводит нас то, чем грозит чужое могущество: ведь такая беда приходит с великим шумом и смятением. Названные мною естественные невзгоды – бедность и болезни – подкрадываются втихомолку, не внушая ужаса ни слуху, ни зрению, зато у третьей беды пышная свита: она приходит с мечами и факелами, с цепями и зверьми, натравив их на нашу плоть. Вспомним тут же и о темницах, и о крестах, и о дыбе, и о крюке, и о том, как выходит через рот насквозь пропоровший человека кол, как разрывают тело мчащиеся в разные стороны колесницы, как напиваются горячей смолой тунику из горючей ткани, – словом, обо всем, что выдумала жестокость. Так нечего и удивляться, если сильнее всего ужас перед бедствием, столь многоликим и так страшно оснащенным»³.

И все это с древнейших времен изобреталось и делалось для устрашения завоеванных народов, против бунтующих масс, против заговорщиков и против всех тех, кто старался разрушить сложившийся порядок вещей.

Тоталитарному правителю, как правило, не хватает тех силовых средств, с помощью которых можно удерживать власть, поэтому он не брезгует всевозможными приемами культивирования страха. В свое время, анализируя типы политического устройства общества, Ш. Монтескье выделял три формы такого устройства – республиканский, монархический и деспотический строй. Для характеристики этих форм правления использовался ряд критериев количественного и качественного характера, т. е. тот факт, что власть может осуществляться либо большим количеством людей, либо одним человеком. В последнем случае власть одного человека может быть либо подчиненной законам (тогда это законная монархия, которой не чужд паттернализм), либо определяться только волей самого правителя (который оказался у власти в силу каких-то обстоятельств – военный захват, династический переворот или узурпация власти, полученной демократическим путем). По этому поводу мыслитель пишет: «Республиканское правление – это то, при котором верховная власть находится в руках или всего народа, или большей части его; монархическое – при котором управляет один человек, но посредством установленных неизменных законов; между тем как в деспотическом все вне всяких законов и правил движется волей и произволом одного лица»⁴. Определяя качественную характеристику этих форм правления, Монтескье отмечает: «Как для республики нужна *добродетель*, а для монархии *честь*, так для деспотического правительства нужен *страх*. В добродетели оно не нуждается, а честь была бы для него опасна»⁵.

В какой-то мере с этими высказываниями великого французского мыслителя можно было бы согласиться, но только с поправкой на то, что в любой форме правления есть свое сочетание добродетели, чести и страха, так как в любом обществе свои сторонники и противники власти, которые по-разному к этой власти относятся. Демократии (или республике) также не чужды приемы устрашения своих граждан, как и монархическим режимам. Достаточно вспомнить осуждение Сократа демократической властью Афин, террор якобинцев или «красный террор» большевиков.

Указывая на проявление таких чувств, как любовь и страх у подданных к своему правителю, итальянский мыслитель Н. Макиавелли пришел к следующему выводу:

«Из этой двойственности, обязательной для государя, вытекает вопрос: что для государя лучше – внушать страх или любовь? Что для него полезнее – чтобы его любили или чтобы боялись?»

Я нахожу, что желательно было бы, чтобы государи достигали одновременно и того и другого, но так как осуществить это трудно и государям обыкновенно приходится выбирать, то в целях личной их выгоды замечу, что полезнее держать подданных в страхе... боязнь основывается на страхе наказания, никогда не оставляющем человека»⁶.

Таким образом, в определенных политических условиях страх становится важным средством социального управления, средством укрепления власти, гарантом ее неприкосновенности. Суверенитет государства при страхо-силовых формах правления незаметно перерастает в независимость существующей власти, а власть – в суверенитет единоличного правителя, появляется такая личность, как суверен. Само понятие суверенитета становится фиговым листком политики страха. При этом всем гражданам государства идеологически внушается та мысль, что это и есть нормальное, спокойное, разумное состояние общества, что порядок представляет собой высшее благо для людей. И нужно сказать, что такой порядок действительно устанавливается в обществе, но это порядок со страхом в сердце. Любой протест воспринимался как проявление деструктивных сил, нейтрализовать которые можно только с помощью силы и страха. Поэтому нет ничего удивительного в том, что страх становится важной составляющей политики. Исторически формы культивирования страха менялись, но суть оставалась неизменной – сохранение и укрепление власти, в особенности если она приобретала характер сугубо личного правления. Фараоны, цари, короли, императоры, папы, генсеки неизменно обращались к страху, отстаивая свои права на пожизненное или династическое правление.

До наших дней дошли поговорки, рожденные в казематах пыток. Например, выражения «доподлинно известно» или «узнать всю подноготную», смысл которых для современного человека воспринимается как показатель истинного знания о чем-то, а на деле это методы выколачивания признания из осужденных. И в самом деле, какая связь между истиной и какой-то длиной, истиной и ногтями. Оказывается, самая прямая. Дело в том, что в средние века у допрашиваемого (если тот не соглашался с обвинениями) на спине делали два параллельных надреза и после этого начинали сдирать полоску кожи. Испытывая жуткую боль, человек соглашался с обвинениями. Причем чем длиннее содранная полоска кожи, тем более истинным считалось признание. То же и с «подноготной правдой» – человеку просто-напросто втыкали под ногти иголки. И чем больше в пытке было задействовано пальцев, тем вернее представлялось признание.

Особенно сильное впечатление на людей производили те пытки и казни, которые осуществлялись в виде публичных действий, вселяли в зрителей неопишуемый страх и ужас. С древнейших времен наиболее жестокими были расправы над участниками массовых выступлений – бунтов и восстаний. Казни, как правило, приобретали массовый и публичный характер. После подавления римлянами восстания рабов на Сицилии установился порядок открытого террора. «На этот раз, – отмечается в литературе, – репрессии были особенно жестокими: последовали бесчисленные казни, распятия на крестах, тысячи рабов были отправлены в Рим, где пленные рабы принуждены были биться между собой в цирке как гладиаторы. С этого времени во всей Сицилии установился режим постоянного террора, чтобы держать рабов в непрерывном страхе»⁷.

И нужно отметить, что страх настолько глубоко вселился в души сицилийцев, что они и спустя тридцать лет не рискнули присоединиться к восстанию рабов в самой Италии, хотя посланники Спартака их к этому призывали. Правда, и это восстание потерпело поражение, вызвав новую волну террора в самой Италии. «Движение рабов под предводительством Спартака было разгромлено. Сам Спартак погиб, остатки его армии, долго укрывавшиеся в горах юга Италии, были постепенно выловлены и истреблены: 6 тысяч пленных рабов Красс распял вдоль всего пути из Капуи в Рим»⁸.

Капуя – город, вблизи которого зародилось восстание Спартака. Дорога из Капуи в Рим была наиболее оживленной магистралью, так что не только казнь восставших, но и дорога с распятыми участниками восстания вселяла ужас всем, кто проезжал по ней, ибо крестовины с трупами распятых долго еще сохранялись вдоль этой дороги смерти, воспитывая рабскую покорность перед властью придержащими.

Так публичная казнь стала не просто актом наказания осужденных, но и особым способом культивирования страха властями с целью запугивания граждан и воспитания у них верноподданнических чувств. При этом характер массового присутствия людей при казне варьировался: где-то люди собирались на площадях, где-то их сгоняли силой, а где-то использовали и иные способы. Казни устраивали в наиболее многолюдных местах, казненные долго еще сохранялись на месте казни, устрашая оставшихся в живых.

Нечто подобное происходило и в России. После разгрома восстания Пугачева большая часть его участников была уничтожена, но для устрашения придумали особый способ. Были сооружены плоты с вмонтированным в них столбом и двумя крест-накрест балками, размещенными на вершине столба. К концам балок прикреплялись веревки с крюками. Голых осужденных со связанными руками вздергивали на эти крюки (крюк втыкался под ребра, это делалось для того, чтобы человек не сразу умирал, как это происходило при повешении, а некоторое время еще жил, испытывая страшные муки и издавая нечеловеческие вопли), все это сооружение спускалось на воду и плыло вниз по реке (Яик, ныне река Урал), вселяя ужас в жителей окрестных сел, отбивая всякую охоту бороться с деспотической властью. Именно эту ужасающую экзекуцию и запечатлел в своей гравюре художник Ганвей в 1754 г., а Пушкин в несколько измененном виде описал в «Капитанской дочке»⁹.

Сам Пугачев был приговорен к смертной казни путем четвертования. Казнь состоялась в Москве при большом скоплении народа, который с леденящим душу ужасом созерцал все происходящее (отрубленная голова Пугачева тут же была нанизана на пику и высоко поднята над толпой, устрашая ее). И нужно сказать, что этот страх надолго сохранился в сознании простых людей. Сочувствуя Пугачеву, крестьянские массы тем не менее отказывались от массовых выступлений. И даже спустя целый век они не рискнули выступить против царской власти, хотя народники всячески пытались расшевелить их своей агитацией. Страх и инертность простого народа оказались сильнее пламенных призывов народников. Эту запуганность народа, видимо, хорошо понимали большевики, решившие в своей борьбе за власть опираться не на крестьянские массы, а на новый класс угнетенных – пролетариат, репрессии против которого лишь стимулировали его революционную активность.

В целом история утверждения царской власти в России полна примеров властной жестокости, начиная от первых варяжских князей, утвердившихся в Киеве, до Ивана III, Ивана Грозного и Петра I. Особенно в этом плане прославился Иван III. Хорошо известна его расправа с непокорными новгородцами, которые попытались оказать сопротивление захватнической политике московского царя. Вот как описывает эти события историк Н. Костомаров.

После прибытия Ивана III в пригород Новгорода он «приказал привести к себе в Городище тех новгородцев, которые до его прибытия были взяты под стражу. Это были владычные бояре, новгородские дети боярские, выборные городские и приказные люди и знатнейшие торговцы. С ними вместе привезли их жен и детей. Собравши всю эту толпу перед собой, Иван приказал своим детям боярским раздевать их и терзать «неисповедимыми», как говорит современник, муками... потом он велел измученных, опаленных привязывать сзади к саням, шибко везти за собой в Новгород, вольно по замершей земле, и метать в Волхов с моста. За ними везли их жен и детей, женщинам связывали назад руки с ногами, привязывали к ним младенцев и в таком виде бросали их в Волхов; по реке ездили царские слуги с баграми и топорами и добивали тех, которые всплывали»¹⁰.

По утверждению летописцев, «пять недель продолжалась неукротимая ярость царева». Разумеется, вся эта расправа чинилась перед глазами обезумевших от страха новгородцев, лишала их мужества и каких-либо попыток сопротивляться захватнической политике московского царя. На этом, однако, Иван III не успокоился. Чувствуя шаткость своей власти не только на периферии, но и в центре царства, он решил использовать новгородские события для борьбы с оппозицией в самой Москве. Историк так описывает эти события.

«После новгородской бойни Ивану взбрело на ум, что в Москве были соучастники новгородской измены. Он начал розыск... 1570 года 25 июля на Красной площади поставлено было восемнадцать виселиц и разложены разные орудия казни: печи, сковороды, острые железные когти («кошки»), клещи, иглы, котлы с кипящей водой, кнуты и пр. Народ, увидевши все эти приготовления, пришел в ужас и бросился в беспамятстве бежать куда ни попало... Выехал царь с опричниками, за ним вели 300 человек, осужденных на казнь, в ужасающем виде от следов пыток; они едва держались на ногах. Площадь была совершенно пуста, как будто все вымерло. Царю не понравилось это, он разослал гонцов по всем улицам и велел кричать: «Идите без страха, никому ничего не будет, царь обещает всем милость». Москвичи стали выползать, кто с чердака, кто из погреба и сходить на площадь... Тогда царь велел отобрать 180 человек и объявил, что дарует им жизнь по своей великой милости. Остальных всех казнили мучительными казнями. Изобретательность царя так велика, что почти каждому была особая казнь; так, например, Висковатого повесили вверх ногами и рассекли на части; Фуникова обливали попеременно то кипящей, то ледяной

водой и т. д. На другой же день после казни потоплены были жены казненных, и некоторые перед тем подвергались изнасилованию и поруганию. Тела казненных лежали несколько дней на площади, терзаемые собаками»¹¹.

Нет сомнения, что все эти жестокости и их публичный характер предпринимались с целью укрепления единоличной власти царя, утверждения монархического строя в России.

Для устрашения публики придумывали такие формы казни, которые не сразу приводили к смерти, а оттягивали ее, заставляя осужденных переживать нечеловеческие муки, а зрителей эти муки сопереживать и тем самым проникаться страхом перед властями. Одной из наиболее бесчеловечных пыток-казней было посадить человека на кол. Осужденного со связанными сзади руками действительно сожали на кол, который был вкопан в землю и выступал так высоко, что человек не мог достать до земли ногами. Испытывая жуткую боль, человек начинал издавать нечеловеческие вопли и судорожно дергаться, а кол медленно углублялся в его тело, пока не выходил наружу в районе головы. Человек погибал и долго еще продолжал висеть мертвым в назидание другим.

При сожжении на костре также можно было растянуть муки казненных, увеличивая время публичной экзекуции и вселяя ужас в сознание присутствующих. В произведениях искусства эта форма казни обычно изображается как полыхание большого костра, в котором быстро погибает осужденный. На самом деле костер сначала делал небольшим, который не сразу уничтожал человека, а как бы растягивал его муки. Именно таким способом и был казнен Дж. Бруно при большом количестве людей. У одной из старушек, видимо, не выдержали нервы, и, желая сократить муки осужденного, она подбросила в костер охапку хвороста, которую несла домой.

В данном случае наша задача не в том, чтобы описать характер пыток и публичных казней (об этом имеется большая историко-художественная литература), а в том, чтобы раскрыть их социальный смысл, стремление властвующих элит сохранить и упрочить свою власть с помощью культивирования страха. Чаще всего такая политика осуществлялась для поддержания порядка, велась во имя бога, коммунизма, прогресса или еще каких-либо благородных целей. Особенно в этом плане прославились инквизиция, фашистский режим в Германии и сталинский режим в России, где террор приобрел характер государственной политики и был направлен на уничтожение и дискриминацию целых рас и народов, приобретая форму откровенного геноцида. Страх действительно стал отличительной чертой коллективного духа, сущностью социального бытия.

Удивительно, однако, то, что по прошествии определенного времени старые страхи притупляются, боль утрат исчезает, жертвы забываются, а тираны входят в историю. Сама история превращается в детективную драму, интерес к которой проявляется в тем большей степени, чем больше в ней пролито крови. Такая история действительно нас ничему не учит, поэтому политика страха вряд ли когда-нибудь будет преодолена, ибо без страха власть существовать не может, она утрачивает свои полномочия, свой пресловутый суверенитет.

Парадокс социального развития в том, что смягчение власти, процесс ее гуманизации приводят к бурному возрастанию деструктивных сил (к преступности, коррупции, враждебной оппозиции, к революционной ситуации и т. д.), которые как болезнь подтачивают общество изнутри, в результате власть становится жертвой истории. Мироточие оказывается не только параличом власти, но и общества в целом. Поэтому естественно встает вопрос, можно ли в политике полностью отказаться от культивирования страха, можно ли сохранять власть, опираясь только на законы. Опыт развитых стран в современном мире не позволяет дать положительный ответ на этот вопрос.

Разумеется, пытки и казни в современном мире широко используются только террористами. Цивилизованные страны частично или полностью от них отказались. Но это не означает, что эти страны полностью избавились от культивирования страха для поддержания своей власти. При сохранении страха внутри страны (перед полицией, судьями, чиновниками, работодателями, системными кризисами и т. д.) в таких странах широко используются страховые методы политики на международной арене. Для этого создаются тайные отделы полиции, службы разведок, поддерживаются действия террористических группировок (для которых не существует законов), создаются диверсионные группы и т. д. Можно, конечно, запретить пытки в своей стране, но использовать для этого тюремные застенки каких-нибудь развивающихся стран.

Тем самым культивирование страха переходит на международный уровень с применением не только террористических, но и идеологических средств, что осуществляется путем раздувания различного рода политических фобий. У себя в стране раздуваются страхи с помощью образа внешнего врага, а население чужой страны запугивается по поводу отсутствия прав человека, прав заключенных, прав женщин,

прав детей, прав геев и т. д. И все это делается в целях подрыва авторитета правительства чужой страны, ограничения его властных полномочий. Таким образом, культивирование страха приобретает различные формы внутренней и внешней политики, причем чем сильнее государство, тем ярче проявляются эти формы. Поэтому вряд ли можно согласиться с утверждением, что в современном мире исчерпала себя политика страха. Разумеется, она изменяет свои формы, но суть ее сохраняется. Как в домашнем воспитании все еще сохраняются щадящие формы силового воздействия, так и в обществе (как в большой семье) остаются свои приемы и методы силового и морального устрашения. И здесь нет различия между развитыми странами и странами третьего мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ¹ См.: Гуляихин В. Н., Тельнова Н. А. Страх и его социальные функции // *Философия соц. коммуникаций*. 2010. № 10. С. 53–60.
- ² Гитин В. Г. Это жестокое животное – мужчина. Харьков, 1997. С. 68.
- ³ Цит по Шербатых Ю. Психология страха: популярная энциклопедия. М., 2000. С. 157.
- ⁴ Монтескье Ш. О духе законов // *Антол. мировой философии в 4-х т.* М., 1970. Т. 2. С. 541.
- ⁵ Там же. С. 542.
- ⁶ Макиавелли Н. Государь; Рассуждения о первой декаде Тита Ливия; О военном искусстве. Минск, 2013. С. 81–82.
- ⁷ История Древнего мира. М., 1956. С. 528.
- ⁸ Там же. С. 566.
- ⁹ См.: Шербатых Ю. Психология страха: популярная энциклопедия. М., 2000. С. 153.
- ¹⁰ Там же. С. 154–155.
- ¹¹ Там же. С. 155–156.

Поступила в редакцию 28.08.2013.

УДК 326.3

Л. А. ГУЦАЛЕНКО,
ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (МИНСК)

СОЦИАЛЬНОЕ ОДИНОЧЕСТВО КАК ИНДИВИДУАЛЬНОЕ И КОСМИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Отмечается, что социальное одиночество, несмотря на его перманентность, а во многом из-за своего латентного характера впервые стало предметом исследования. Оно среди бесчисленных опосредствований между центральной ролью человека в социуме и результатами его деятельности, пожалуй, в наибольшей степени скрыто под различными наслоениями. Это и социальные общности, и институты, и процессы, и отношения. Однако они, как, впрочем, и другие образования, могут маскировать, но не отменять ведущую социотворческую роль индивида, которая раскрывается автором как в позитивных, так и негативных вариантах, т. е. прежде всего в соответствующих альтернативных проявлениях социального одиночества. Подчеркивается, что индивиды и их традиционные локальные формы социального окружения – группы, коллективы, кластеры – включаются в разного рода глобальные объединения и процессы. А все это вместе взятое так или иначе вовлекается в контакты человечества с космической средой, к сожалению, пока еще малоэффективные. Вытекающие отсюда противоречия также нашли отражение в данной статье.

Ключевые слова: человек; социальное одиночество; индивидуальное; коллективно-групповое; глобально-космическое; позитивное и негативное социальное одиночество.

It is the first time that social loneliness despite its permanent character has become the subject of research. The reason for it is not that it lacks actuality but mainly because of its latent character. It is hidden under various developments among numerous mediations between the central role of man in society and the results of his activities. These developments such as social communities, institutions, processes and relationships may mask other establishments but not abolish the leading socio-creative role of an individual. The role is identified by the author in its both positive and negative versions, i.e. first of all, in corresponding alternative manifestations of social loneliness. Underlined is an increased significance of the considered issue nowadays. At present individuals and their traditional local forms of social environment – groups, collectives, clusters are included into various global associations and processes. All this combined together is in any case engaged in the mankind's contacts, being ineffective yet, with the cosmic environment. The following contradictions are also considered in the article.

Key words: man; social loneliness; individual; collective-group; global-cosmic positive and negative social loneliness.